
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТОЛОГИИ И ЛЕГИТИМНОСТЬ

ВАРДАН АЙВАЗЯН

Проблематика, связанная с изучением конфликтов в условиях глобальных кризисных процессов, при которых они неизбежны, сегодня актуальна и востребована.

Во-первых, неуклонно повышается роль конституционно-правового регулирования как в системе международного права, так и на уровне отдельных государств. Во-вторых, в настоящее время гражданское общество интенсивно развивается и меняется. Формируются как новые государства, так и их объединения и конгломерации. В силу ограниченного времени становится невозможно применить сбалансированный эволюционный подход к проектированию и пуску государственного здания. Это, в свою очередь, неизбежно порождает конфликты – следствие неразработанности государственного строительства (государствообразования). В-третьих, перед странами бывшего социалистического лагеря стоит задача в сжатые сроки не только сформировать полноценную государственность и гражданское общество, но и демонтировать прежнее государственное здание. В-четвертых, отсутствует комплексная multidисциплинарная методология, позволяющая всесторонне изучить указанные проблемы и решить их в условиях становления и функционирования государства в системе глобальных отношений.

Всё это определяет критическую необходимость разработки методологического подхода на основе синтеза конституционно-правового регулирования в контексте системообразования правового пространства гражданского общества с методологическим дисциплинарным форматом конфликтологии.

Ниже мы рассмотрим правовую природу системных конфликтов с точки зрения их легитимности, статуса и разрешения на практическом уровне. В этом контексте мы выделяем Конституцию как базовый механизм, закрепляющий легитимность всего государственного здания. При этом системные конфликты не являются предметом конституционно-правового регулирования. Мы постарались спроецировать проблему на некоторые значимые и ключевые примеры мирового масштаба, разделив генезис конфликтов на концептуальную, функциональную и операционную составляющие.

Выход из кризиса, имеющего глобальный масштаб и системную природу, возможен только в случае разрешения уже возникших и предотвращения будущих конфликтов.

Ситуационный подход к операционному разрешению уже возникших конфликтов без системного рассмотрения их природы, причины и процесса формирования малоэффективен. Особенно когда предметом конфликта являются международная система валютного регулирования, или система международных экономических взаимоотношений, или геополитическое противостояние. Такие конфликты имеют системный характер, требуют соответствующего подхода и не решаются посредством циклических переговоров, которые могут продолжаться бесконечно.

К сожалению, именно от этого зависит правомочность уполномоченных субъектов, которые должны предложить меры, исключающие рост напряженности в социальных сферах, нарушение гражданских прав, ущемление суверенитета страны, а также дисфункции конституционно-правового регулирования. Целостное описание конфликта требует иного подхода.

В какой-то мере противоречие между необходимостью научного осмысления конфликтов и неготовностью к практической работе – основная методологическая проблема новой науки – конфликтологии. При этом пренебрежение генезисом конфликта уже предопределяет подход к его разрешению. С другой стороны, операционная критичность при ликвидации конфликта запускает цикл практических мероприятий, основанных, как правило, на ситуационном подходе и неприятии системного подхода и научного осознания, что мешает практической работе («Надо делом заниматься, а не теоретическими рассуждениями»).

Один из основополагающих факторов, обеспечивающих легитимность государственного здания, – это взаимодействие уровней системного правового регулирования и оперативного исполнения решений, для чего требуется соответствующая иерархия управления.

Высший уровень включает функциональный спектр принятия решений и комплектуется кадрами, прошедшими должную аттестацию (включая психологический тест на соответствие параметрам управленца высшего звена: министр не может мыслить как оперативник, он должен иметь системное видение).

Операционный уровень предполагает оперативный план в рамках системного решения с соответствующим правовым закреплением. Системные решения находятся вне юрисдикции и полномочий оперативника. При этом определяются основные психологические параметры ситуационного мышления и полномочия операционного управленца. Все это ложится в основу *психологической конфликтологии*.

Вследствие этого встает задача создать универсальную методологию, интегрирующую отдельные области конфликтологии, как сформировавшиеся (юридическая, психологическая, социологическая), так и только зарождающиеся (политическая, экономическая). В совокупности эти области формируют *общую конфликтологию* как целостную систему знаний.

Ситуационный подход при решении системных конфликтов недопустим и чреват нарушением легитимности. Его правовая природа основывается на ситуационной раскладке ответственности в рамках локальной кон-

фигурации, определяемой самой ситуацией на основе фрагментарных правовых отношений. Напротив, правовая природа системного подхода основывается на системной ответственности, вбирающей в себя обязательное сохранение баланса, то есть равновесия системы в целом.

В этой связи очень важна классификация и типология конфликта как универсального понятия при описании явлений и управлении ими.

В частности, типология конфликтов на концептуальном, функциональном и операционном уровнях имеет разную методологическую. Конфликт более высокого системного уровня генерирует конфликты на более низком уровне. Именно поэтому конституционно-правовое регулирование есть безальтернативный механизм, исключающий цепную реакцию конфликтов, начиная с базовых основ.

С этой точки зрения легитимность определяется только на конституционном правовом уровне. Она не может иметь ситуационную природу правового закрепления, поскольку объектом правового закрепления является само конституционно-правовое регулирование, а не отдельный нормативный фрагмент. При таком восприятии легитимности происходит конфликт внутри самой системы правового регулирования. «Легитимность» ситуационного характера невозможна и обречена в ближайшем будущем на правовой дефолт («плавающая, условная легитимность»).

Рассмотрим системный конфликт на примере мюнхенской речи В. В. Путина, ставшей вызовом системе глобального управления – в ней выражена готовность нести конкретную юридическую ответственность, то есть быть легитимной в качестве системы и обеспечить легитимность управления конфликтами системного порядка на всех стадиях их генезиса. В своей речи президент России раскрывает рецидив права на глобальное управление в политическом формате, мы же показываем его на академическом уровне, чтобы представить причинно-следственную цепочку проявления конфликта как следствие дефолта соответствующего уровня – концептуального, функционального, операционного.

Отсутствие однозначных критериев легитимности в рамках глобальной системы правового регулирования определяет базовый уровень системных конфликтов.

Первый тезис мюнхенской речи Путина выделяет концептуальный уровень системного конфликта. Президент РФ оповещает мировое сообщество, что на уровне системы глобального управления имеет место конфликт: «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна»¹. Такая ситуация – результат системного конфликта, который возник и развивается на уровне *концептуального дефолта*.

Бесконфликтное и сбалансированное функционирование мирового сообщества возможно лишь при наличии системы глобального управления с соответствующим закреплением на уровне международного права. Международное право – это система (пока еще не полностью сформированная) правового регулирования, определяющая базовые принципы легитимно-

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

сти. Вследствие отсутствия закреплённой базовой легитимности деформируются и нарушаются фундаментальные конституционные принципы – суверенитет и народовластие. Это может привести к трагическим последствиям для многих наций, ибо налицо системный конфликт международного права и глобального управления.

К сожалению, правообразующая функция Генеральной ассамблеи ООН недостаточно эффективна, и разногласия президента РФ с системой глобального управления не находят решения. Как результат – очевидные признаки концептуального дефолта.

Однополярная модель мира, не имея адекватного логического обоснования, ведёт к концептуальному дефолту, генерирующему конфликт в системе глобального управления. При этом открытыми остаются вопросы: каково логическое обоснование однополярной модели и почему она не имеет альтернативы? Какими правовыми критериями определяется её легитимность?

Очевидно, что если глобальное управление как особая наднациональная система не имеет конституционной проекции и системных составляющих правового регулирования, то разрушается её легитимность. В результате возникает ситуация, при которой мировая гегемония США может квалифицироваться как *прецедент неписаной мировой конституции*, где институт юридической ответственности государства вообще не имеет правового закрепления. На уровне чувственных рефлексов мирового сообщества такое положение должно приниматься как данность. Именно это имел в виду Збигнев Бжезинский: «Мощь Америки и движущие силы её общественного развития во взаимодействии могли бы способствовать постепенному созданию мирного сообщества, основанного на совместных интересах. При неправильном же использовании и столкновении друг с другом эти начала способны ввергнуть мир в состояние хаоса, а Америку превратить в осаждённую крепость»².

В отсутствие концептуальной модели глобального управления, основанной на логике и закреплённой международным правом, системный конфликт с уровня *концептуального дефолта* переходит на уровень *функционального дефолта*. В этом случае конфликт пытаются решить не на основе логической концептуальной модели с адекватным правовым закреплением, а путем оперативных решений отдельных государств. Следовательно, не достигается и полноценной легитимности.

В международной сфере системный конфликт как следствие функционального дефолта возникает, когда принятие решений не имеет адекватного правового обеспечения, а глобальное управление осуществляется посредством саммитов, имеющих целью выработать совместные решения, как правило, по критическим *горячим конфликтам*.

Правовой статус этих саммитов, носящих операционный характер и принимающих правовые решения вне юрисдикции ООН (как легитимного носителя международного права), создают *конфликт легитимности на*

² Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005, с. 5.

функциональном уровне, при котором ставится задача легитимации уже принятых де-факто решений. Это самый опасный конфликт, поскольку может привести к правовому дефолту самой системы международного права.

На разных мировых саммитах звучат заявления, что США являют собой силу добра, и многие люди так и считают³. Таким образом теряется легитимность системы права, что можно квалифицировать как политическое насилие. Недаром З. Бжезинский отметил в своей книге, что если США есть сила добра, то альтернативная сила должна представлять противоположный полюс, или «силу зла»⁴. «Концептуальный дефолт» системного конфликта обусловлен в данном случае отсутствием конституционного описания «силы добра». Следовательно, решения принимаются на операционно-технической плоскости.

Именно этот аспект системного конфликта отразился в мюнхенской речи президента Путина, где сказано, что «единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН».

Между тем события в арабском мире констатируют системный конфликт на уровне функционального дефолта, когда решения проблем опираются на эмоциональное восприятие. Ведь в международном праве нет таких понятий, как «ось зла», «терроризм», «экспорт безопасности», «гуманитарная интервенция». Показательна формула, уже сложившаяся в международной практике: глобальная угроза терроризма полностью оправдывает "экспорт безопасности в остальные страны мира"⁵.

Вследствие концептуального дефолта разного рода явления воспринимаются как прецеденты. Постепенно возникает неписаная мировая конституция, в которой логическая модель и обоснование явлений не получают правового закрепления, следовательно, не могут быть легитимными. В результате международное право насыщается конфликтогенностью.

С этой точки зрения однополярная модель мира недостаточно обоснована. По логике вещей система глобального управления предполагает прежде всего суверенитет государств. Легитимность этого механизма в условиях глобальной интеграции способен обеспечить логическую целостность как модели функционирования государства, так и системы ее правового регулирования, благодаря чему можно будет избежать системного конфликта.

По этой логике верховенство права как конституционный принцип может быть обеспечено только при недопущении концептуального правового дефолта, рецидив которого проявляется в слиянии двух взаимоисключающих систем управления. При этом необходимо учитывать, что процесс системной кодификации и становления международного права не завершен. Последнее должно дать действенные механизмы, исключающие системные конфликты на всех уровнях и во всех сферах правового регулирования.

³ Подробнее см. <http://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/#http://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/>:

⁴ Подробнее см. **Бжезинский З.** Указ. соч., с. 45.

⁵ <http://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/#http://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/>:

Следующий тезис мюнхенской речи президента Путина отражает системный конфликт функционального уровня. В частности, в ней сказано, что “вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам”.

Концептуальный дефолт системы глобального управления привел в межгосударственных отношениях к тому, что правовое регулирование постепенно уступает место геополитическим, экономическим, социально-культурным приоритетам, не получившим никакого конституционного закрепления, что, в свою очередь, ведет к функциональному конфликту. В то же время под влиянием западной демократии повсюду происходят экономические, культурные и технологические изменения, способствующие укреплению глобальных взаимосвязей.

Проблема в том, что западные державы, возможно, из лучших побуждений без адекватного обоснования навязывают развивающимся государствам свои достижения в сфере управления совокупным общественным процессом, вследствие чего в этих государствах ломаются укоренившиеся традиции, однородность общества, система ценностей, свое восприятие прав и свобод. Такой подход нарушает сбалансированность системы глобального управления, так как государства отличаются друг от друга национальными, религиозными, историческими, географическими, экономическими, политическими и культурными особенностями, а также развитием гражданского общества или полным его отсутствием.

Опыт показывает, что системные конфликты концептуального уровня случаются даже в высокоразвитых государствах. Так, канцлер А. Меркель признала, что идея построения в Германии мультикультурного общества “потерпела полное фиаско”⁶.

Этот системный конфликт функционального уровня зародился, когда охваченная экономическим бумом Германия восполняла нехватку рабочей силы самым простым, как тогда казалось, путем – с помощью трудовых мигрантов из Турции и других стран, не избалованных немецким уровнем достатка. В результате нарушилась целостность и однородность немецкого общества. Похожие системные конфликты налицо и во Франции, Великобритании и других европейских государствах.

Когда западные державы навязывают свою модель странам с другим уровнем цивилизации, в разных уголках мира возникают вооруженные конфликты. Об этом свидетельствуют события происходящих в Ливии, Сирии, Египте и др. Здесь уместно спросить: легитимны ли определения международных конфликтов, а также решения по их разрешению, закрепленные постфактум резолюциями ООН (или даже без них)?

При отсутствии полноценных системных подходов на концептуальном уровне принятие решений путем голосования формирует *конституционно-правовой конфликт*, когда принятие решений обусловлено не ло-

⁶ <http://www.newsru.co.il/world/17oct2010/merkel409.html>.

гикой нормы, а фактором технического большинства. Формируется так называемая «*блоковая легитимность*». Именно это и выделял Путин в своей мюнхенской речи: «ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной группы стран».

В этой связи единственным механизмом правового регулирования выступает вето, которое с точки зрения конфликтологии является не столько регулирующим, сколько констатирующим инструментом. Тем более это касается других форм несогласия – от дипломатических демаршей и активного неповиновения до прямых столкновений экономического или военного характера.

Без исключения «концептуального дефолта» формирование легитимной системы управления и принятие решения, а также правовое закрепление самого операционного процесса становятся невозможными. Более того, возникает прецедент – ситуационный подход и вытекающие из него нормативные документы позволяют отменять правовые нормы системного характера (Конституцию, законы, международные договоры). Например, решение «группы анти-Каддафи», в том числе Италии, отменила Договор о дружбе, партнёрстве и кооперации между Италией и Ливией (а также Бенгазский договор, *Treaty of Benghazi*), подписанный в августе 2008 года⁷.

Здесь возникает вопрос, по какому правовому механизму Италия «приостановила» действие договора? Насколько была легитимной сама группа? Каков был регламент разрешения конфликта? Имел он системный характер или ситуационный? Может ли с такой же легкостью Италия отменять договоры с другими странами? Не упразднение ли это системного права (на основе конституционно-правового регулирования) и подмена его ситуационным?

Когда нет единой концепции и правового закрепления глобального управления, возникает системный конфликт на операционном уровне, где превалирует нерегламентированное и неконтролируемое поведение, не подлежащее правовому регулированию. Примером может послужить Арабская весна⁸.

Вследствие системного конфликта на операционном уровне уже начинается парад отмены конституции или ее изменения. Правовая природа этого системного конфликта обусловлена фундаментальной задачей обеспечить легитимность масштабных реформ, которые подразумевают конституционные изменения. В результате создается "революционная ситуация", при которой легитимность вообще определяется не Конституцией и правовыми нормами, а логикой "отцов-разработчиков" реформ. Революции, как правило, имеют субъективный характер и функционально предназначены обслуживать ситуационную систему управления. При этом нали-

⁷ Подробнее см. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

⁸ **Арабская весна** – это волна массовых демонстраций и протестов, начавшихся 18 декабря 2010 года. Произошла смена режимов в Тунисе, Египте и Ливии, восстания в Бахрейне и Йемене, массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане, менее массовые в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре и гражданская война в Сирии. Столкновения на границе Израиля в мае 2011 года также были вдохновлены Арабской весной. Основной лозунг демонстрантов – «Народ хочет падения режима». Подробнее см. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

чие или отсутствие Основного закона несущественно, а конституционные нормы приобретают декларативный и условный характер.

Правовые аспекты операционного уровня системных конфликтов выделены в мюнхенской речи президента Путина. Он заявил: «Если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни „под подушкой“, ни „под одеялом“, я предлагаю всем встать и, стоя, это поприветствовать»; «НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия» .

Вышеупомянутый аспект системного конфликта обусловлен отсутствием концепции баланса и безопасности, а также конкретного правового механизма, регламентирующего операции НАТО. При этом существующие правовые документы становятся условными и имеют технический характер. Операционный конфликт выступает как результат конфликта функционального уровня, который, в свою очередь, происходит из-за конфликта концептуального уровня.

Яркий пример системного конфликта на операционном уровне – скандальная венгерско-азербайджанская сделка по экстрадиции и героизации преступника-убийцы. В системе глобального управления вследствие концептуального дефолта, то есть отсутствия сбалансированного наказания за преступления на этнической почве, формируется “операционная легитимность”. Несмотря на правосудие, закрепленное международными конвенциями и законодательствами государств (но в отсутствие системной целостности), она позволяет нарушить базовые гуманитарные ценности посредством решения высших должностных лиц (на уровне руководства стран – членов ЕС). Как уже отмечалось, вследствие концептуального дефолта кодифицированные правовые нормы на международном и внутригосударственном уровнях постепенно теряют свою роль.

Этот правовой аспект системного конфликта выделяет в мюнхенской речи президент России: «Что стало с теми заверениями о гарантиях нерасширения НАТО на восток, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора?».

Иными словами, вследствие системного конфликта операционного уровня на уровне неписаной конституции нарушаются нормы этики и правового регулирования, отменяется принцип верховенства закона.

Когда нет правового регулирования экономической системы, глобальное управление формирует операционную легитимность, которая порой лишена всякой логики и обоснованности. Именно этот аспект отражен в предпоследнем тезисе мюнхенской речи Путина: «Одной рукой раздается „благотворительная помощь“, а другой не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль» (об экономической политике Запада в отношении стран «третьего мира»).

В последнем тезисе мюнхенской речи В. Путин утверждает: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей и практически всегда

пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня».

Отсюда можно прийти к заключению, что Россия находится на пути формирования целостной легитимности, сознательно стремясь исключить системные конфликты как внутри страны и ее стратегического окружения, так и в рамках системы глобального управления.

ՎԱՐԴԱՆ ԱՅՎԱԶՅԱՆ – Լեգիտիմությունը և հակամարտաբանության իրավական կողմերը – Մեր օրերում կարիք չկա ապացուցելու, որ գլոբալ ճգնաժամային գործընթացների պայմաններում, որոնցում հակամարտությունները անխուսափելի են և համարվում են քաղաքական և տնտեսական իրականության մշտական ուղեկիցները, հակամարտությունների և դրանց ծագումնաբանության ուսումնասիրության հիմնահարցը ծայրահեղ արդիական է և պահանջված:

Հոդվածը նպատակ է հետապնդում քննարկելու համակարգային հակամարտությունների ծագումնաբանության իրավական բնույթը, վեր հանելու դրանց լեգիտիմությունը, որոշելու հակամարտությունների կարգավիճակը, տալու դրանց դասակարգումը, առաջարկելու հակամարտության լուծումների կառուցակարգ:

Այս համատեքստում հեղինակն ընդգծում է **Սահմանադրության**, որպես ամբողջ պետական կառույցի լեգիտիմության ամրագրման և սահմանադրաիրավական հարաբերություններում հակամարտությունների բացառման հիմնարար կառուցակարգի գործառույթն ու դերակատարությունը: Հոդվածում փորձ է արվել հիմնահարցը ներկայացնելու համաշխարհային մշակակառույցում ունեցող մի շարք էական և առանցքային օրինակներով՝ դասակարգելով հակամարտությունների ծագումնաբանությունը՝ **հայեցակարգային, ֆունկցիոնալ և օպերացիոն** տարրերի:

VARDAN AYVAZIAN – The Legitimacy and Legal Aspects of Conflict. – Today, in terms of the global crisis processes and present political and economical reality, where conflicts are constant companions, there is no need to prove that the conflict examination and its problems are very topical and demanded.

The purpose of this paper is to examine the legal nature of genesis of systemic conflicts in terms of legitimacy and conflict status, classification, rules of reaching the solution, as well as adoption and implementation of the resolution on a practical level. In this context, we highlight the role and functions of the constitution as a basic mechanism for securing the legitimacy of the government, and the exclusion of system conflicts, as a matter of constitutional and legal regulation. We have tried to project a problem on some important key examples, by splitting the genesis of conflicts into conceptual, functional and operational components.